

УДК 82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.258

БИСТАБИЛЬНОСТЬ КАК ЧЕРТА ПОЭТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Д. М. Красоткин

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В данной статье предлагается взгляд на многозначность художественного текста через понятие бистабильности. Рассматриваются критерии бистабильности, а также структуры, на которых она реализуется. Сформулированная концепция демонстрируется на нескольких литературных примерах.

Ключевые слова: бистабильность, многозначность, определенность интерпретаций, Чехов, Архангельский, Набоков, каламбур, амбивалентность, игра.

В статье рассматривается проблема функционирования многозначности в художественном тексте, как на уровне отдельных элементов структуры, так и на уровне структуры художественного текста в целом, предлагается обоснование следующего тезиса: многозначность, как возможность одновременно нескольких прочтений, ориентирует читателя на раскрытие художественности текста. Данный тезис может показаться чрезмерно громким, поэтому подробно поясним, о чем идет речь.

Речь идет об одном довольно конкретном виде многозначности. Остановимся на этом подробно. Долгое время и в лингвистических, и в литературоведческих работах явление такого порядка на уровне слова или фразовых единиц называли «каламбуром», большинство определений которого сводятся к тому, что это некоторое выражение, которое при наличии одного контекста имеет более одного значения. Вспомним классическое определение Ю. Н. Тынянова: «...перед нами как бы двойная семантика, с двумя планами, из которых в каждом особые основные признаки и которые взаимно теснят друг друга» [3, с. 56]. Приведем пример каламбура: «“Вкальваю не покладая рук”, – сказал наркоман». Как можно увидеть, один и тот же контекст создает возможность для актуализации более чем одного значения слова, что, в свою очередь, влияет на понимание более крупных семантических единиц. Так Тынянов рассуждал о слове. Но как быть с целым текстом? Ведь есть художественные тексты, в которых по этому принципу устроены целые структуры, и их невозможно свести к каламбуру.

© Красоткин Д. М., 2021

Для решения этой проблемы Д. Н. Ахапкин предлагает ввести в литературоведческий оборот понятие бистабильного текста [1]. Этот термин автор заимствует из наук когнитивного спектра. Понятия бистабильности или мультистабильности используются в разных аспектах когнитивной науки, в особенности в области нейровизуализации. Принцип работы этого явления известен каждому, кто знаком с так называемыми бистабильными изображениями, такими как куб Неккера. Бистабильность или мультистабильность предполагает существование двух или нескольких независимых друг от друга интерпретаций. Когнитивное понимание многозначности строится на этих базовых понятиях. Вот какое определение многозначности дает известный нейрофизиолог С. Зеки: «многозначность – это определенность многих, одинаково вероятных интерпретаций, каждая из которых независима, когда она занимает место в сознании» [7, с. 245]. В характеристике данной Зеки наиболее важным для нас является критерий определенности. Для функционирования бистабильности необходима определенность вариантов интерпретации (как в известном изображении «Жена или теща?»). В этом состоит особенность этого вида многозначности, так как обычно это явление толкуют именно как неопределенность смысла. Здесь же обратная ситуация. Интерпретации определенным образом заданы одним контекстом.

В области художественной литературы бистабильность может проявляться на различных уровнях: нарративном, сюжетном, субъектном, мотивном и т. д. Важно, чтобы эта бистабильность действовала на протяжении всего текста. В этом заключается главное ее отличие от того же каламбура.

Приведем в пример короткий текст А. Архангельского: «Все изменяется под нашим Зодиаком, / Но Пастернак остался Пастернаком». «В данном случае двустороннее может быть понято и как комплимент человеку, оставшемуся верным себе, несмотря на все жизненные передрыги, и как осуждение человека, живущего вне времени» [4, с. 15]. Причем здесь мы не подключаем никаких дополнительных, внетекстовых, сведений о Пастернаке, об авторе эпиграммы и о ней самой, а анализируем только непосредственное пропозициональное содержание текста. Для характеристики бистабильности текста эта определенность интерпретаций является решающим фактором. Определенность должна задаваться самим текстом. Конечно, здесь можно возразить, что и в этом случае интерпретация задается контекстом, в который погружен текст, и тем не менее при бистабильности эти позиции должны быть объективированы в тексте. Вероятно, четкую границу не так просто провести в каждом случае, не всегда можно четко отличить семантическую определенность от неопределенности.

Для большей наглядности рассмотрим еще один текст с наличием бистабильной структуры – повесть А. Чехова «Черный монах». В тексте

главный герой Андрей Васильевич Коврин, магистр, философ и любитель психологии, едет в деревню поправить душевное здоровье. Бистабильность здесь будет проявляться на уровне сюжета. Когда главный герой находится в деревне, с ним начинают происходить странные вещи: он начинает видеть раз за разом мираж в виде черного монаха, тот начинает с ним разговаривать. Поначалу Коврин переживает, что психически болен, но монах убеждает его, что он гений: «Ты один из тех немногих, которые по справедливости называются избранниками божиими. Ты служишь вечной правде. Твои мысли, намерения, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носят на себе божественную, небесную печать, так как посвящены они разумному и прекрасному, то есть тому, что вечно».

Так, в повести открывается хорошо известная литературе оппозиционная пара «безумие – гениальность». Коврин становится веселым, оживленным, нервным, и постепенно его состояние ухудшается, что замечают его близкие («Ты психически болен, Андрюша»). Коврин начинает лечиться, видения пропадают, жизнь его становится скучной и пресной. Но в финале повести ему опять является черный монах со словами: «Если бы ты поверил мне тогда, что ты гений, то эти два года ты провел бы не так печально и скудно». После этого Коврин умирает «потому только, что его слабое человеческое тело уже утерало равновесие и не может больше служить оболочкой для гения».

Эта сюжетная структура текста, на наш взгляд, имеет бистабильную природу и подпадает под все вышеуказанные критерии. Текст заканчивается открытым финалом, оставляя читателя с ощущением амбивалентности прочитанного. На протяжении всего текста разворачивается две возможных трактовки того, кем же является главный герой – гением или безумцем. И каждая из этих трактовок последовательно подтверждается текстом.

Критерий определенности интерпретаций здесь довольно легко верифицируется. Обе стратегии явлены в самом тексте, а не вынесены в подтекст. Каждый читатель текста вступает в диалог с обеими интерпретациями. В восприятии читателя они начинают как бы мерцать, читатель то и дело переключается с одной стратегии на другую. И происходит это именно потому, что они переключаются в самом тексте. Это и есть бистабильность художественного текста.

Амбивалентность высказывания, о которой писал еще М. Бахтин, часто функционирует на бистабильности восприятия. К этому часто прибегает поздний Чехов, ориентированный на, так называемое, объективное повествование. В результате этого происходит не просто достижение «эффекта реальности», как об этом писал Р. Барт, но ощущение игровой сущности искусства: «одна из целей искусства, несомненно, это разными способами дать нам опыт игры – способами как более гармоничными, так и более диссонирующими, – и, таким образом, предоставить нам воз-

«... возможность переключаться между различными когнитивными модусами» [6, с. 52–53].

Вернемся ко второй части заявленного тезиса, к художественности. Каким образом многозначность, или уже бистабильность, позволяют раскрыть художественность текста? Предлагается следующая цепь взаимосвязей.

«Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все “имеются в виду” (в особенности осмыслений, далеких между собой), следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающего на игру смыслов друг с другом» [2, с. 85], – такую характеристику предлагает Е.В. Падучева. Бистабильность текста, о которой говорится выше, является именно таким типом семантической аномальности. Другие исследователи подобных явлений также отмечают нарушение стандартных правил семантики и, как следствие, привлечение внимания реципиента к самому сообщению.

Как известно, Р. Якобсон отмечал, что ориентация внимания на сообщение ради него самого является проявлением поэтической функции языка [5]. А художественное высказывание есть реализация поэтической функции. Таким образом, бистабильность текста является одним из тех факторов, которые позволяют читателя переключить свое внимание на сам текст, почувствовать его условность, как выражались формалисты, его «сделанность».

В качестве подкрепления этого положения вспомним набоковскую «Лолиту». В романе, как известно, два накладывающихся друг на друга нарративных плана. Автор в романе то и дело прикрывается «ненадежным» нарратором в лице Гумберта Гумберта. И соответственно параллельно возникают две версии событий, описываемых в тексте, которые по ходу текста начинают все больше расходиться. Так, с точки зрения отстраненного повествователя соперник Гумберта Гумберта Клэр Куильти может быть прочитан как плод его воображения. Зазор между субъектами повествования создает ту самую аномальность, которая заставляет читателя почувствовать «сделанность» текста, пережить некоторый эффект отстранения (В. Шкловский). Финальное прощание с Лолитой воспринимается и как прощание с нимфеткой Гумберта, и как прощание со своим романом автора. Это и есть то проявление бистабильности текста, которое позволяет вскрыть его художественную сущность.

Список литературы

1. Ахапкин Д.Н. Бистабильные тексты: о когнитивных механизмах поддержания неразрешимой многозначности // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 136–145.

2. Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М.: ВИНТИ, 1982. С. 76–119.
3. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 140 с.
4. Фоменко И. В. Практическая поэтика: учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 192 с.
5. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
6. Armstrong P. How Literature Plays with the Brain: The Neuroscience of Reading and Art. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2013. 221 p.
7. Zeki S. The Neurology of Ambiguity // The Artful Mind: Cognitive Science and the Riddle of Human Creativity. New York: Oxford University Press, 2006. Pp. 243–270.

BISTABILITY AS A FEATURE OF THE POETICS OF FICTIONAL TEXT

D. M. Krasotkin

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

This article offers a look at the polysemy of a literary text through the concept of bistability. Criteria for bistability are considered, as well as the structures on which it is realized. The formulated concept is demonstrated in several literary examples.

Keywords: *bistability, polysemy, certainty of interpretations, Chekhov, Arkhangel'sky, Nabokov, pun, ambivalence, game.*

Об авторе:

КРАСОТКИН Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: dmitrij.krasotkin@yandex.ru.

About the author:

KRASOTKIN Dmitry Mikhajlovich – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova str.), e-mail: dmitrij.krasotkin@yandex.ru.